

Лариса Алексеева

Выставка на флешке

Лариса Алексеева – заведующая сектором изобразительных фондов XX-XXI веков Государственного литературного музея, кандидат исторических наук, автор статей по истории литературы, искусства, музейного дела.

Решение родилось мгновенно: выставка должна быть виртуальной – «20 лет работы Маяковского».

Идея давняя: мечтаемая, ожидаемая, а потом отложенная в долгий ящик, как почти не имеющая шансов. Все мои планы относительно виртуальной реконструкции легендарной выставки поэта, что называется, зависали. Только это самое «почти» оставалось занозой, которая мешала забыть о них окончательно.

Для меня Маяковский – динамичная реальность, данная в ощущениях, то есть в личных вещах, рисунках, «Окнах РОСТА», плакатах и других изобразительных материалах, которые храню в Государственном литературном музее. Все эти вещи обладают памятью о поэте, энергетически заряжены, беспокойны, требуют к себе внимания. Это можно было бы считать мистикой или следствием многолетней музейной практики, но я почти физически ощущала, как обреченный на вечное хранение Маяковский буквально рвется с музейных полок в публичное пространство.

И вот из журнала «Октябрь» поступило предложение о выставке к столетию Маяковского для Международного литературного фестиваля.

Иногда, чтобы осуществиться, даже очень хорошей идее нужны поддерживающие силы, которые обнаруживаются неожиданно, вдруг. Возникает то самое совпадение необходимых «пяти

элементов», когда начинает двигаться то, что казалось неподвижным, замершим. И словно бы сам Маяковский в канун своего юбилея занялся – в очередной раз – идеей собственного воскрешения, подбирая для этого обстоятельства времени и места, соединяя и связывая людей сцеплением взаимных усилий и устремлений.

Точкой схода он выбрал Одессу.

Праздничное слово «фестиваль» ей очень подходит. И то, что фестиваль литературный, конечно же, не менее существенно (а лучше – драгоценно). Одесса, подарившая отечественной словесности чуть шальное, но очень хорошее, солнечное настроение, литературоцентрична, живет словом. И любой одессит дорогу в Литературный музей, что на Ланжероновской улице, указывает без труда.

Здесь и начинался праздник, выплеснувшийся из Золотого зала дворца Гагарина в его «зеленый зал» – сад скульптур: День музейев перешел в музейную ночь, отданную стихам и поэтам. «Послушайте!» – сильный, хотя и затертый, стушеванный «шумом времени» голос с восковой дорожки граммофонного валика будто окликнул всех издали – то ли из прошлого, то ли из будущего...

Когда-то поиски этого голоса спасли всю «звучащую» литературу двадцатых годов. Ставшие ненужными уникальные записи авторского чтения, сделанные С.И. Бернштейном в лаборатории живого слова, вывез в 1938 году из Ленинграда В.Д. Дувакин, член Бригады Маяковского, существовавшей при Государственном литературном музее в Москве. Бригада возникла спонтанно на выставке «20 лет работы Маяковского», которую устроил сам поэт в феврале 1930 года. Его друзьям и соратникам затея с выставкой показалась пафосной, зато увлеченные поэтом молодые люди – студенты, рабфаковцы – горячо ее приняли и потом, после смерти Маяковского, бескорыстно и преданно служили своему кумиру, выступая с чтением его стихов, собирая материалы о нем, устраивая выставки, интуитивно постигая глубину его лирики, приходя вместе с ним к пониманию, что такое трагедия.

На фестивале о таком особенном отношении к поэту со стороны младших современников вспоминали словами одессита Льва Славина: «Авторитетов не было, но был бог: Маяковский».

Что же сегодня? «Бог умер»?

С этим было бы трудно смириться. Как и вернуться к прежнему накалу чувств той поры, когда Маяковский при всей своей известности был фигурой спорной и далеко не самой удобной для официального признания. Тогда для многих быть на его стороне означало бороться против глупости и фальши, слушать новое, поднимаясь *по лесенке* поэтических строчек к «светлому завтра».

Где оно нынче?

Но в дни фестиваля, когда вживую звучали стихи на русском, украинском, грузинском языках, упование на божественный промысел не оставляло: ведь если все еще существует стихо-творение, «значит – это кому-нибудь нужно»? Образ входит в образ, звучит неумолчной цикадой-рифмой, и Маяковский (права Цветаева!) космически остается в этом неисчезающем дыхании поэзии, как бы ни прихотлив был тянувшийся сквозь время ее путь.

Поэт-мост, как о нем точно сказано. Объединяя берега-времена-пространства, остается сам по себе – над. «По струнам-канатам, аж звездам к ногам».

Но вернемся к замыслу музейного проекта.

С Одесским литературным музеем Государственный литературный музей связывают давние добрые отношения. Общаемся с коллегами, не раз привозили свои выставки, участвовали в фестивале 2011 года, посвященном Бабелю. Стодвадцатилетие Маяковского, озаглавившее нынешний фестиваль, вновь объединило оба музея в желании представить публике что-то особенное. На память неизбежно приходило футуристическое турне четырнадцатого года, когда двадцатилетний поэт впервые приехал в Одессу и – влюбился. В Марию. Как не отразить «одесский след» знаменитой поэмы «Облако в штанах», тем более что в ГЛМ портреты Марии Денисовой, одновременно выполненные Маяковским, Каменским и Бурлюком, сохранились!

Говоря «музей», подразумеваем выставку. Любой выставочный проект актуален, если он хорошо придуман и оригинально исполнен. Такого и хотелось для Маяковского.

Отношение поэта к музеям и памятникам известно: не слишком жаловал, но свою самостоятельно сделанную выставку «20 лет работы» передал в музей, будто верил в то, что он может

быть не просто культурной резервацией, но творческой лабораторией, деятельным и живым пространством, сценой и площадкой для воскрешения.

В дальнейшей выставочной истории Маяковского много драматического, личного, вмешанного в большую историю. Мне доводилось об этом писать, в том числе и на страницах журнала «Октябрь» двадцать лет назад (о магия цифр!) – о выставке 1940 года, так и не открытой к десятилетию со дня смерти поэта. Многих усилий стоило Константину Симонову отстоять в 1973 году авторскую выставку Маяковского, которую восстановили в тех же залах московского Дома литераторов, где когда-то ее сделал сам поэт. Потом Государственный литературный музей провез реконструированную выставку по многим странам, но для международного фестиваля лучше всего подходила новая – электронная – версия авторской выставки Маяковского. В нее можно было включить историю с «Облаком» и некоторые другие материалы – это ничуть не противоречило замыслу поэта. Он хотел, чтобы его выставка – «обращение к товарищам потомкам» – пополнялась, а главное, была доступна. Так у проекта появилось название: «Маяковский навсегда». Проект «зажигания звезд» – для тех, кому это нужно. Проект совпадений и встреч с вмешательством героя, над которым витал и дух Бригады его имени.

Отдельно скажу о совпадении с человеком, который взял на себя всю техническую сторону видеопрокта, и без которого проект, собственно, не мог бы состояться. Это моя коллега и соавтор Екатерина Жукова, знаток компьютерной техники и программ, способных не только перетащить музейные реалии на экран, но и «поиграть» с ними, заставляя виртуальные образы двигаться, сочетаться со звуком – быть чуть похожими на кино, но все же оставаться в границах музейной выставки. Но дело не только в программах.

Для нас обеих это была абсолютно новая работа в несуществующем жанре. Я бы определила его как «экранная выставка», поскольку информация в ней подавалась в аудиовизуальном динамичном виде. И то, что спровоцировал ее своим юбилеем именно Маяковский, кажется вполне закономерным – новизна была у него, по словам Пастернака, «климатически в крови».

В результате двухмесячной работы в условиях взаимного перфекционизма мы получили видеовыставку, построенную по принципу «три в одном». Ее главная часть – видеодайджест легендарной выставки «20 лет работы Маяковского», хранящейся в Государственном литературном музее. Уникальность выставки не требует особого подтверждения: другого такого примера авторского обращения с собственной творческой биографией не существует. Самоинтерпретация, яркий монолог на выставочной сцене, наконец, последнее оригинальное произведение Маяковского!

Не менее важно было сказать и о необычной судьбе этой выставки, напомнив о реконструкции 1973 года, которая «воскресила» Маяковского для поколения шестидесятников. Ее «текст» был несколько другим, работал на иную внешнюю ситуацию, обозначить которую можно как «Маяковский против Маяковского»: живой поэт против идеологического мифа о себе. Включенные в видеопроjekt фрагменты аудиозаписей с голосами К. Симонова, В. Шкловского, А. Вознесенского, сделанные на вернисаже и закрытии выставки, высвечивали это очень хорошо. Любопытно и то, как через много лет в Доме на Поварской на выставке Маяковского встретились два поколения: помудревшие сверстники и те, кто с молодым восторгом читали стихи у его памятника. Не удержусь от вольного цитирования. «Проворонили, – сокрушался Виктор Шкловский, – поэты не имеют права на забвение. Мы обращаемся с ними, как будто бы это бронированные катки, а это цветы». «Вы – мост между прошедшим и грядущим. Мы пришли бы на вашу выставку», – горячо уверял Андрей Вознесенский.

Наконец, нынешний виртуальный вариант хотелось сделать и актуальным, и современным. Это была наиболее трудная часть работы. Обычные выставки мы смотрим сосредоточенно и молча, двигаясь вдоль статичных экспонатов. В данном случае наоборот: движутся виртуальные экспонаты. Но последовательно-монотонная смена кадров не подходила. У экранной выставки должен был быть свой ритм, своя динамика и новый образ, обращенный к веку нынешнему, выведшему поэзию за пределы книжных переплетов.

И здесь выручил Интернет: оказалось, что Маяковского поют, да еще как! Поэтому, стараясь не нарушить авторских прав, мы включили в наш проект фрагменты композиций белорусского музыканта Змитера Войтюшкевича, талантливо исполняющего «Бруклинский мост» и «Разговор с фининспектором о поэзии»; санитарные плакаты замечательно спела группа «Абвиотура». Закадровое разнообразие звуков, смайлики и аватарки добавили остроты и колкости, смягчив классическую серьезность музейной выставки. Думаю, Маяковскому это пришлось бы по вкусу, поскольку серьезности, «заакадемичности» он предпочитал самоиронию и шутку. И еще: было в этом что-то бригадническое, неформальное и живое.

Но выставка – это пространство, внутри которого находишься, и которое не отпускает, не дает отвлечься. Вещь «смотрит» тебе в спину, даже если ты стоишь перед другой. Можно только догадываться, какой концентрации достигала экспозиционная сила авторской выставки, если ее герой почти каждый день присутствовал на ней в качестве живого экспоната, разговаривая, отвечая на вопросы, читая стихи.

А тут – экран. Его искусственная визуальная глубина, какой бы сложности ни был проект, не может достичь эффекта естественной. Здесь пространство помимо наших ухищрений обеспечивал звучащий текст – и он же его удерживал.

Премьера видеовыставки в Одессе прошла удачно. Хочется верить, что у нее есть будущее. Во всяком случае, на сайте Государственного литературного музея «Маяковский навсегда» найдет свое место.

«Очень оригинальное ощущение. Головой провинтил облака и тучи. Земли не видно. Не видишь даже собственные плечи. Только небо. Только облака. Да в облаках моя голова».

Москва

